

О лингвистических, исторических и художественно-стилистических аспектах перевода «Слова о полку Игореве». Вопросы авторства и времени создания

Певцов Г.Д.,

заместитель главного редактора, Международный альманах «Литературные знакомства», Москва, Россия, pevtsov.gd@mail.ru

В настоящей статье рассмотрены некоторые особенности как нового перевода «Слова о полку Игореве», сделанного автором данной статьи, так и переводов наиболее известных русских авторов, живших в разное время. При этом проведено прямое сравнение этих переводов и выявлены их сильные и слабые стороны. В статье также затронуты вопросы об авторстве Слова и времени его создания.

Ключевые слова: Бог, Пресвятая Богородица, Ярославна, древнерусский текст, Екатерининская копия, русская словесность, вселенское поэтическое древо, ритмико-синтаксический строй, символ, образ, метонимия.

Для цитаты:

Певцов Г.Д. О лингвистических, исторических и художественно-стилистических аспектах перевода «Слова о полку Игореве». Вопросы авторства и времени создания [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n1/Pevtsov.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2017040104

For citation:

Pevtsov G.D. Linguistic, Historical and Poetical Stylistic Aspects of Translating of The Song of Igor's Campaign. The Subjects of the Authorship and the Time of Creation [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n1/Pevtsov.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2017040104

Новый перевод «Слова о полку Игореве» автором настоящей статьи [3] сделан на основе древнерусского текста «Екатерининской копии» (приведена, например, в книге В.А. Кожевникова [2, с. 126–143]), являющейся наиболее близкой к утраченному оригиналу. Автор перевода исходил при этом из того факта, что первоначальный текст «Слова» был написан без пробелов между словами и знаков препинания, то есть сплошной последовательностью букв. В связи с этим разбивка текста на слова и предложения, данная в «Екатерининской копии», в ряде случаев не совпадает с таковой автора перевода, который при своей разбивке текста исходил из того, что автор «Слова» в совершенстве владел древнерусским языком и написал текст в соответствии с грамматическими нормами литературного языка своего времени (XII в.), нашедшими свое отражение и в других литературных памятниках этого периода. Эта более чем естественная предпосылка избавила автора перевода от многих ненужных и мучительных сомнений в осмыслении и интерпретации различных мест, а также всякого рода невероятных домыслов и фантазий, коими изобилуют многие варианты перевода этого легендарного памятника вечной и непостижимой в своем совершенстве русской поэзии, из которого вышли все русские поэты. Явные опуски в «Екатерининской копии» встречаются лишь в двух-трех местах.

Уже в самом начале «Слова» возникает вопрос, связанный с переводом его первого предложения. Как оно должно звучать: вопросительно или утвердительно? В переводе Н.А. Заболоцкого, например, оно звучит так:

Не пора ль нам, братия, начать
О походе Игоревом слово,
Чтоб старинной речью рассказать
Про деянья князя удалого? [6, с. 265]

То есть, согласно Н.А. Заболоцкому [6], первое предложение — вопросительное. Отвечая на него, в следующем предложении, автор перевода сообщает о том, что будем воспевать Игоря «по былинам времени сего» [6, с. 265], времени его похода, то есть, по-новому, а не старым, прежним языком сказаний Бояна:

А воспеть нам, братия, его –
В похвалу трудам его и ранам –
По былинам времени сего,
Не гоняясь в песне за Бояном. [6, с. 265]

Вопросительно звучит и первое предложение в переводе К.Д. Бальмонта:

Нам начать не благо ль, братья, песню старыми словами,
Песнь, как полк в поход повел он, славный Игорь Святославич? [6, с. 166]

Несмотря на некий «элемент тумана», связанный с глубиной давности и порожденный словами перевода «По былинам лет тех бывших» [6, с. 166], хотя в оригинале стоит «по былинам сего времени» [2, с. 126], ответ, принципиально, тот же:

По былинам лет тех бывших, не по замыслу Баяна,
Эту песнь зачнем мы, братья.<...> [6, с. 166]

Совместный перевод Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева и О.В. Творогова также начинается с вопроса и следующего за ним ответа, отвергающего стиль повествования Бояна: «Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами печальные повести о походе Игоревом, Игоря Святославича? Пусть начнется же эта песнь по былям нашего времени, а не по замыслению Бояна!» [6, с. 57]. Сходным же образом начинаются переводы В.И. Стеллецкого [6] и В.В. Капниста [6]. А вот у В.А. Жуковского первое предложение, несмотря на свою, казалось бы, явно вопросительную интонацию и присутствие частицы «ли» заканчивается восклицательным знаком:

Не прилично ли будет нам, братия,
Начать древним складом
Печальную повесть о битвах Игоря,
Игоря Святославича! [6, с. 121]

Восклицательным знаком первое предложение с частицей «аль» заканчивается и у Л.А. Мея [6]. Так же заканчивается первое предложение (с частицей «ли») и у А.Н. Майкова:

Не начать ли нашу песнь, о братья,
Со сказаний о старинных бранях, –
Песнь о храброй Игоревой рати
И о нем, о сыне Святославле!
И воспеть их, как поется ныне,
Не гоняясь мыслью за Бояном! [6, с. 148]

А вот у С.В. Шервинского перевод начинается уже явно не с вопроса, а с утверждения о том, что начинать ратную повесть дней нынешних — о походе Игоря — старыми словами, то есть на старинный лад, не пристало:

Не пристало нам, братья,
Не в лад начинать
Ратных повестей складом старинным
Эту песню
Про доблестный Игорев полк,
Про поход Святославова сына.
Мы начнем по событьям
Теперешних лет,
А не вслед замышленьям Бояна [6, с. 177]
С утверждения в сослагательном наклонении начинается и перевод В.А. Кожевникова:
Непристойно было бы нам, братия, начать
старыми словами повесть трудную.
о походе Игореве, Игоря Святославича.
Начатся же той песни по былинам
сего времени, а не по замышлению Бояна. [2, с. 200]

Одним из немногих, кто считал, что первое предложение «Слова» не следует переводить вопросом, а следует перевести утвердительно, был А.С. Пушкин. Вот что он писал по этому поводу: «...В древнем славянском языке частица ли не всегда дает смысл вопросительный подобно латинскому не, иногда ли значит только, иногда – бы, иногда – же; доньше в сербском языке сохраняет она сии знаменования. В русском частица ли есть или союз разделительный или вопросительный, если управляет ею отрицательное не; в песнях не имеет она иногда никакого смысла и вставляется для меры так же, как и частицы и, что, а, как уж, уж как (замечание Тредьяковского). <...>

В другом месте Слова о полку ли поставлено также, но все переводчики перевели не вопросом, а утвердительно. То же надлежало бы сделать и здесь.

Во-первых, рассмотрим смысл речи: по мнению переводчиков, поэт говорит: Не воспеть ли нам об Игоре по-старому? Начнем же песнь по былинам сего времени (то есть по-новому) — а не по замышлению Боянову (т. е. не по-старому). Явное противуречие! <...> Если же признаем, что частица ли смысла вопросительного не дает, то выдет: Не прилично, братья,
© 2017 ФГБОУ ВО МГППУ «Московский государственный психолого-педагогический университет»

начать старым слогом печальную песнь об Игоре Святославиче; начаться же песни по былинам сего времени, а не по вымыслам Бояна. <...> Глагол бяшеть подтверждает замечание мое: он употреблен в прошедшем времени (с неправильностию в склонении, коему примеры встречаются в летописях) и предполагает усл.[овную] частицу —Неприлично было бы. Вопрос же требовал бы настоящего или будущего» [5, с. 148–149].

С этим высказыванием поэта, тонкого стилиста, глубоко чувствовавшего родной язык, трудно не согласиться. И не потому, что перед нами А.С. Пушкин, и даже не потому, что справедливость этого высказывания следует из самого смысла речи. С формально-логической точки зрения, как ни начинай повествование — с вопроса ли и последующего ответа, либо с утверждения о несуразности начать песню старыми словами, смысл останется тем же. Но все дело в том, что живой язык, и, особенно, поэтический, не является простой голой формулой. Органический же строй русского языка, в отличие, например, от английского, имеет свои особенности употребления отрицательных, вопросительных и иного рода частиц. Например, вопрос «А хорошо ли это?» в русском языке уже сам по себе подразумевает ответ: «Нет, не хорошо». На этот вопрос с чисто логической точки зрения можно, конечно, ответить и утвердительно – «Да, хорошо», но этот ответ не будет стилистически адекватным, глубинная органика речи нарушится. Точно так же, на вопрос «А не лучше ли нам было поступить иначе?» в русской речи наиболее естественным будет ответ: «Да, лучше». Поэтому перевод первого предложения Слова в вопросительной форме, например, «Не следует ли нам, братия, начать старыми словами повесть печальную о походе Игоря?» влечет стилистически созвучный ответ «Да, следует». Но сразу же после этого мы утверждаем, что начнем песню по былинам сего времени, т. е. новым слогом. Возникает стилистический диссонанс. Перевод же первого предложения в форме безусловного утверждения, где частица «ли» выступает в значении «же» выглядит в контексте с последующими фразами совершенно естественно и органично с точки зрения поэтической речи: «Нелепо же нам было, братия, начать старыми словами повесть горькую, печальную о походе Игоря». И поэтому мы начнем ее по-новому, адекватно событиям дня сегодняшнего.

Естественно предположить, что автор слова стремился выразить свои мысли органичным живым языком, способом, традиционно присущим его родному наречию в соответствующий период времени, а не пытался экспериментировать с построением замысловатых и усложненных логических фигур речи, тем более, в самых первых предложениях текста.

В этой связи, наиболее созвучным оригиналу нам представляется следующий перевод начала повествования (автора данной статьи):

«Нелепо же нам было, братия, словами «старых сказок» начать повесть горькую о походе Игоревом, Игоря Святославича. Начаться же сей песне былями сего времени, а не по замыслу Боянову. Боян же «вещий», если кому хотел песнь творить, то растекался мыслью-белкой по древу, серым волком по земле носясь, сизым орлом под облаками. А ведь помнил сказаний речь первых времен усобиц. Тогда пускали «десять соколов» на «стаю лебедей». Которую настигал сокол, своей струною перед песнью пела — Старому Ярославу, Храброму Мстиславу, что зарезал Редедю пред полками косоожскими, Красному Роману Святославичу. Боян же, братия, не десять соколов на стаю лебедей пускал, но свои «вещие» персты на живые струны клал, а те сами князям славу рокотали» [3, с. 98].

Утвердительная форма первого предложения позволяет также сохранить в переводе слово «нелепо», которое осталось в прежнем значении и в современном русском языке, избавив тем самым от поиска разного рода синонимов к нему, замещающих его в многочисленных переводах, необоснованно удаляя их от оригинала.

В первом предложении мы находим до конца не сразу понятное словосочетание: «начати старыми словесы» — «начать старыми словами». Смысл его уточняет последующее высказывание о том, как Боян слагал свои песни, растекаясь мыслью-белкой по древу. Это «поэтическое древо», присущее культурам многих народов, древние греки (и не от «дерева» ли — «древа» — русское слово «древний») называли *drīos*, что означало также и «дуб». Одно из древнегреческих высказываний, связанных с этим словом, гласило: «Ты не приходишь ни от дуба, ни от скалы, подобно первобытным людям» [1, с. 346]. Другое звучало так: «Не время беседовать, начав с дуба или скалы (по нашему, начав с Адама и Евы), т. е. беседовать пространно, досужно» [1, с. 346], рассказывая «старые сказки» [1, с. 346]. Отсюда и выбранный нами вариант перевода первого предложения.

Теперь поговорим о том, что помнил Боян и кто пускал куда каких лебедей и зачем. На этот счет мнения разделились. У С.В. Шервинского, который точно передал форму и смысл самых первых предложений, Боян вспоминал «про усобицы // Давних времен» [6, с. 177] и сам «напускал» десяток своих соколов «на станицу лебяжью» [6, с. 177]. При этом та лебедь, которую Боян достигал посредством соколов вперед других, и первой начинала петь.

Именно «дни былые» [6, с. 266], «быль времен тех первых» [6, с. 166], «прежних времен усобицы» [6, с. 57] вспоминал Боян, и тоже сам пускал соколов на стадо лебедей и у Н.А. Заболоцкого [6], и у К.Д. Бальмонта [6], и у Л.А. Дмитриева [6] с Д.С. Лихачевым [6] и О.В. Твороговым [6], и у А.Н. Майкова [6].

А вот у В.А. Жуковского Боян ни о чем не вспоминал и сам соколов на лебедей не пускал, но помнили современники автора Слова, как пускали десять соколов на стадо лебедей сразу несколько певцов, и «чей сокол долетал, тот первую песнь пел» [6, с. 121].

В этом вопросе до деталей созвучны с ним Л.А. Мей [6] и В.В. Капнист [6].

У В.А. Кожевникова же Боян помнил, прежде всего, «беснование первых времен усобицы» [2, с. 200], подколдовывал, сеял распрю, пуская десять соколов на стаю лебедей, и сам при этом пел песню.

В отношении же того, как Боян воскладывал свои вещие персты на живые струны, среди авторов наблюдается полное единодушие.

В целом, картина довольно пестрая. Так что же все-таки помнил Боян? В этом нам поможет разобраться грамматика древнерусского языка. Если внимательно прочитать четвертое предложение Екатерининской копии, то можно заметить, что помнил он «речь» [2, с. 126] первых времен усобиц (а не злого, нечистого духа, связанного с беснованием, как думает В.А. Кожевников [2, с. 150], потому что в древнерусском языке слово «речь» в значении «нечистый дух» — мужского рода, и в винительном падеже было бы «реча» (тем более, что эта категория — одушевленная), а в источнике все-таки стоит «речь»). Причем в данном контексте важна именно речь, то есть структура повествований, особенности слога сказаний и песен того, прежнего, предшествовавшего Бояну времени, а не сами усобицы. Потому что в самом начале Слова речь идет не об усобицах, о которых будет сказано позже, а о том, как лучше сложить настоящую, подлинную, художественно ценную, достойную русских героев песню, а не уподобляться безликому, дежурному звону Бояна, который, несмотря на то что помнил ту самую подлинную, несущую мысль и образ речь песнотворцев первых времен усобиц, все-таки изменил ей. Вместо созидания образного строя поэтической мысли, он потерял ее, растекся ей, словно белка, по древу и впал в пустословие. Стал дежурным поэтом, штатным сладкопевцем. А в те прежние времена слагали песни иначе. Древняя песня — это не только слово, но и музыкальный лад, строй, причем свой, уникальный для каждой песни. Это и подчеркивает автор Слова своей блистательной метонимией соколов-перстов и струн-лебедей. Ни о какой

© 2017 ФГБОУ ВО МГППУ «Московский государственный психолого-педагогический университет»

группе певцов-сокольничих, запускающих наперегонки своих соколов, речь тут не идет. Глагол «пущашеть» [2, с. 126] в Екатерининской копии — это форма имперфекта единственного числа. Тогда пускал певец «десять соколов» на «стаю лебедей», пальцы его летели к гуслиам, каждый точно к своей струне-лебеди. Персты-соколы истинного поэта-музыканта, художника звука, имели творческую власть над струнами, власть мастера. Чуть перефразируя слова Баха, верный палец попадал на верную ноту. Которую достигал сокол, та перед песнью пела («преди песне пояше» [2, с. 126]; «преди» — это предлог, требующий родительного падежа). Своей струною пела, непохожей ни на какую другую, задавая тон начинающейся песне, определяя музыкальную тональность, соответствующую по характеру, по окраске — духу и содержанию песни, возвещая грядущее за звуком струны песенное слово.

Поэзия — не от литературы, она — от музыки. В ее начале — звук, музыкальный тон, точно выверенный звуко-ритмический строй. У гуслей все струны имели разную длину и звучали по-разному. Соответственно звучали по-разному и песни, посвященные разным князьям — Старому Ярославу, Храброму Мстиславу, Красному Роману Святославичу. Одна песня была не похожа на другую — и по тональности и по содержанию, как портрет одного князя не похож на портрет другого. Это и есть признак истинной поэзии, истинного искусства, где каждое творение уникально.

А что Боян? К нему вышеназванный глагол «пущашеть» тоже не относится, хоть это и форма имперфекта единственного числа. Потому что автор Слова прямо говорит нам чуть дальше, что никаких десяти соколов он на стаю лебедей не пускал, персты его не летели каждый к своей струне, а он «восклада» их, то есть просто клал на струны, не имея над ними власти, бередил эти живые струны, а те в ответ ему не пели, а рокотали — «сами», помимо его воли. Причем не разным князьям, каждому свою славу, а вообще «князьям». Одна «слава», один звон, один шаблон для всех князей. У «вещего» Бояна — пустой звон и сунбур, у него струны славу не пели, а рокотали.

Нельзя не заметить и некоторых особенностей перевода у различных авторов имени Романа Красного. «Красный» здесь — часть имени князя, исторического имени, слово, которое ни в коем случае нельзя менять при переводе. Однако у С.В. Шервинского [6] и В.А. Кожевникова [2] Роман Святославич — «красивый», у К.Д. Бальмонта [6] он — «красиволикий», у Л.А. Дмитриева [6] с Д.С. Лихачевым [6] и О.В. Твороговым [6], так же как и у В.В. Капниста [6], — «прекрасный», у В.И. Стеллецкого [6] — «молодой». «Красный» он у В.А. Жуковского [6], Л.А. Мея [6], А.Н. Майкова [6] и Н.А. Заболоцкого [6].

Внимательное изучение текста «Екатерининской копии» и его всесторонний анализ позволяют определить автора этого выдающегося произведения русской словесности, который прямо называет себя в тексте («Ярославны мя глась слышити» [2, с. 140]). Это — Ярославна, супруга Игоря, дочь Галицкого князя Ярослава Осмомысла, унаследовавшая все его лучшие качества. Ее вдохновенный поэтический язык, гениальный в своей простоте, точности и выразительности, прорастающий из древних корней вселенского поэтического древа, до конца непостижимый в своей сакральной глубине, своем таинстве, вещий и светлый, напрямую говорящий со стихиями и внимающий им, призывающий имена Бога и Пресвятой Богородицы, проникающий вглубь веков и тонко чувствующий ход времени, многомерный и многозначный, полный ярких, живых образов, символов, метафор и изысканных метонимий, навсегда запечатывающихся в память, воистину очаровывает.

На авторство Ярославны указывает также самое окончание текста «Слова» — «Князем слава, а дружине аминь» [2, с. 143], где слово «дружина» выступает в одном из своих совершенно законных в древнерусском языке значений — «супруга» («князьям — слава, а супруге — истина»), то есть «Князьям слава, а супруги (княгини) слово — истинно». Если бы

слово «аминь» означало «конец», как думает В.А. Кожевников [2, с. 199], или «вечная память», как думал переводчик «Слова» И.А. Новиков [6, с. 248] и вслед за ним (по времени) думает тот же В.А. Кожевников [2, с. 216], то было бы, по меньшей мере, странно, что после того как боевой дружине, сражающейся за христиан, пожелали здоровья в предпоследней строке, в последней строке сообщили о ее конце и пропели ей «вечную память». Тогда автор «Слова» должен был бы уточнить, что в последней строке речь идет о погибшей дружине Игоря, именно о его воинах (как это и делалось в тексте раньше: «Игорева храброго полку некресити» [2, с. 133]), а не о русских дружинах вообще, идущих на «поганых», которым только что пропели здравицу («здриви Князи и дружина, побарая за христьяны, на поганья полки» [2, с. 143]). Но такого уточнения нет. Поэтому слово «аминь» означает здесь то, что означает и в большинстве случаев, то есть «истина», выступая в своем подлинном, первичном, а не вторичном значении.

Петь же еще раз, напоследок, славу князьям и боевой дружине через уязвимый в данном контексте союз «а», как предлагается в другом расхожем варианте интерпретации, совершенно нелепо после того как в предыдущих строках уже пропели и старым князьям, и молодым, и князьям-участникам похода Игоря и пожелали здоровья и князьям, и их дружине через гораздо более естественный для употребления в этом случае союз «и». Поэтому слово «дружина» во втором случае означает «супруга», «жена Игоря». Игра омонимами в последних строчках «Слова» при этом, с точки зрения формы, создает дополнительное поэтическое качество. Глубинный же смысл заключительных слов таков: князьям – слава, а княгине, переживающей за Отечество и своего супруга, — истина, которая ей дороже славы и которая одна лишь и может спасти христианский народ и его державу.

В пользу авторства Ярославны свидетельствует и явно выделяющееся, особо почтительное восхваление ее отца Ярослава Осмомысла, который сравнивается с громовержцем и предстает вершителем отечественных и мировых судеб (открывающий Киеву врата, стреляющий салтанов за землями и т. д.).

Вообще, в пользу того, что автор — женщина, говорит и сам характер произведения, где достаточно много плачей, много эпитетов, эпизодов и сцен, которые заинтересовали бы только женщину, равно как и многочисленных нюансов описаний женских переживаний трагедии того времени. Мужчина-воин, мужчина-князь, духовное лицо и даже наделенный повышенной чувствительностью и интуицией поэт-сказитель никогда не обратили бы на это внимания и с такой полнотой не раскрыли бы.

Разные исследователи, солидарные в том, что автор Слова — женщина, называли разные кандидатуры, в том числе княгиню Марию Васильковну — супругу Великого князя киевского Святослава Всеволодовича и княгиню Агафью Ростиславну — вдову князя Олега Святославича, невестку Игоря. Версию же об авторстве Ярославны ранее также выдвигал киевский исследователь М. А. Абрамов [4].

Что же касается времени написания Слова, то тут следовало бы высказать следующие соображения. Наиболее вероятным годом завершения Слова нам представляется 1186 год.

С одной стороны, мы встречаем в тексте прямое обращение от имени автора (а не от имени Великого князя киевского Святослава, как многие полагают) к галицкому князю Ярославу Осмомыслу как к живому, а он умер 1 октября 1187 года. Как о живом в Слове говорится и о Владимире Глебовиче Переяславском (поскольку только с его помощью Всеволод Большое Гнездо может «живым огнем» стрелять, о чем прямо сказано в тексте), который «стонал под ранами», защищая Переяславль от половцев, а он умер 18 апреля 1187 года. Это значит, что самое позднее время написания Слова (верхняя грань) — первые месяцы

1187 года. Но скорее всего, Слово было написано в 1186 году, уже после возвращения Игоря из плена, но до возвращения из плена Владимира Игоревича, его сына.

С другой стороны, хронологически очень важным фактом является следующий: автор, сразу после окончания слова Святослава, обращается к Всеволоду Большое Гнездо, именуя его Великим князем («Великий Княже Всеволоде» [2, с. 136]). То есть, наряду с Великим князем киевским Святославом, назван уже Великий князь Всеволод — владимирской ветви, который вообще начинает упоминаться в этом качестве с 1886 года. Все это говорит о том, что Слово было полностью написано не ранее 1886 года и не позднее начала 1887 года, вероятнее всего, во второй половине 1886 года.

Новый перевод «Слова о полку Игореве» автора настоящей статьи [3] представляет собой нюансированный поэтический перевод древнерусского оригинала и не является каким-либо переложением, рифмованным или нерифмованным, с жестким метром или без, каких было немало, и удачных, и неудачных. В части поэтической формы автор нового перевода ставил задачу сохранения в нем ритмико-синтаксической структуры, то есть общего ритмического строя и основной последовательности синтагм оригинала, и, по возможности, фонетических с ним созвучий.

Литература

1. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991. 696 с.
2. Кожевников В.А. Тайны и загадки «Слова о полку Игореве». М.: Дрофа, 2012. 256 с.
3. Певцов Г.Д. «Слово о полку Игореве» в переводе Григория Певцова // Литературные знакомства. 2016. № 4(27). С. 97-105.
4. Полоцкая княжна Мария Васильковна – автор «Слова о полку Игореве»: исследования тайнописи / Вступ. статья и сост. Л.Ф. Данько и А.И. Судника. Полоцк: Издатель А.И. Судник, 2008. 56 с.
5. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 12. Критика. Автобиография / Под общ. ред. В.В. Гиппиуса, Б.В. Томашевского и Б.М. Эйхенбаума. М.: Воскресенье, 1996. 578 с.
6. Слово о полку Игореве / Вступ. статья Д.С. Лихачева; сост. и подгот. текстов Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева; примеч. О.В. Творогова и Л.А. Дмитриева. Ленинград: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1967. 539 с.

Linguistic, Historical and Poetical Stylistic Aspects of Translating of The Song of «Igor's Campaign». The Subjects of the Authorship and the Time of Creation

Pevtsov G.D.,

Deputy Editor-in-chief, International Anthology Literary Meetings, Moscow, Russia,
pevtsov.gd@mail.ru

The article presents some peculiarities of the new translation of The Song of Igor's Campaign made by the author of the present article as well as the translations by the most famous Russian authors of different times. The translations are compared and their advantages and shortcomings come to light. The subjects of the authorship of The Song and the time of its creation are touched upon as well.

Key Words: God, Our Lady, Yaroslavna, Old Russian text, transcription for Catherine the Great, Russian folk-lore, world poetic tree, syntactic rhythmical pace, symbol, image, metonymy.

References

1. *Vejsman A.D.* Grechesko-russkij slovar'. M.: Greko-latinskij kabinet YU.A. Shichalina, 1991. 696 s.
2. *Kozhevnikov V.A.* Tajny i zagadki «Slova o polku Igoreve». M.: Drofa, 2012. 256 s.
3. *Pevtsov G.D.* «Slovo o polku Igoreve» v perevode Grigoriya Pevtsova // Literaturnye znakomstva. 2016. № 4(27). S. 97-105.
4. Polotskaya knyazhna Mariya Vasil'kovna – avtor «Slova o polku Igoreve»: issledovaniya tajnopisi / Vstup. stat'ya i sost. L.F. Dan'ko i A.I. Sudnika. Polotsk: Izdatel' A.I. Sudnik, 2008. 56 s.
5. *Pushkin A.S.* Polnoe sobranie sochinenij: v 17 t. T. 12. Kritika. Avtobiografiya / Pod obshh. red. V.V. Gippiusa, B.V. Tomashevskogo i B.M. Eshkenbauma. M.: Voskresen'e, 1996. 578 s.
6. Slovo o polku Igoreve / Vstup. stat'ya D.S. Likhacheva; sost. i podgot. tekstov L.A. Dmitrieva i D.S. Likhacheva; primech. O.V. Tvorogova i L.A. Dmitrieva. Leningrad: Sovetskij pisatel'. Leningradskoe otделение, 1967. 539 s.